

Маргарита Эскина: Для публики ты Евдокия Германова, заслуженная артистка... Для меня же просто Дуся, очень близкий человек. Но недавно прочитала, что о тебе написал Олег Табаков, и была поражена - насколько он мудро о тебе сказал. Я даже хочу зачитать эти его слова: «Дусю Германову долго не принимали во ВГИК. Я ее принял. Верил в нее тогда и сейчас. Ее актерская природа и характер доставляют ей немало трудностей. Ее путь не усыпан розами. Ее киножизнь пока более интересна, чем театральная. Она обречена на муки творчества своей нервной природой. В этих муках ее слабость и в них же таится возможность исключительного результата. И все-таки важнейшей задачей на сегодня является преодоление собственного характера. Сомнения в собственном совершенстве не должны мешать Евдокии видеть совершенство окружающих. Не надо бояться неуспеха».

Евдокия Германова: И ведь добавить нечего... Ради такого учителя можно было поучиться шесть лет.

М.Э.: Но откуда у тебе появилось стремление стать актрисой?

Е.Г.: Это складывалось потихоньку, кирпичик к кирпичику. Хотя случались и совершенно неожиданные истории... Мне было три года, когда в мой детский сад пришла женщина из киногруппы, которая искала девочку для съемок в фильме о любви. Она вела своим пальчиком в пространстве наших детских голов и говорила: «Вот ты, мальчик, ты, девочка... Я сидела сзади всех. Естественно, ничего тогда не знала о кино, да и вообще мало что понимала. Но все мое существо вдруг оказалось охвачено убеждением: этот палец обязательно должен остановиться на мне. Палец почти добрался до меня, потом, сделав петлю, уплыл... И вернулся. «Вот ты!», - сказали мне. Можно улыбаться, но я до сих пор помню то свое ощущение абсолютной уверенности, что меня обязательно выберут. И я никогда это не забывала. Так или иначе, но, что бы я потом ни делала, все сводилось к потребности самовыражения через какую-то придуманную ситуацию - через игру. Возможно, это связано с обстановкой в семье. Отношения у родителей не складывались. Мне было два с половиной года, когда мама осталась одна. В доме было холодно, голодно, неуютно. Радостная жизнь была возможна лишь в придуманном пространстве. И ведь, что важно, за это тебя никто не ругает. Наоборот, всем нравится, когда ты вдруг начинаешь что-то из себя изображать. Поэтому все детство я ходила в кружки - драматический, хореографический... Впоследствии мои попытки выйти в другой мир сама жизнь просто корректировала.

М.Э.: А сейчас тебе где комфортнее - в жизни или на сцене?

Е.Г.: На сцене, естественно. Там все мои комплексы, страхи, недолюбленность, невозможность что-то рассказать про себя находят выход. Или взять мою неадекватность. Люди пугались ее. Потому что если я кого-то люблю, то это шквал эмоций. Сейчас мне жить намного проще, потому что ты разобралась в себе. И у меня есть территория, на которой я органична. Это сцена.

М.Э.: Ты училась у Табакова, играешь у Табакова, много лет находишься в одном и том же кругу людей. Или все-таки ты немного отделилась от всех?

Е.Г.: Я всегда жила по своим законам и, к сожалению, надела из-за этого немало глупостей. Получила имидж совершенно неуправляемой актрисы, с которой невозможно работать. Хотя вся эта неуправляемость в прошлом, и сам Табаков давно уже понял, что работать со мной можно.

М.Э.: Но порой возникают ситуации, когда ты весьма активно не соглашаешься с режиссером...

Е.Г.: Поверьте, никогда и никаких конфликтов у меня не возникает с теми режиссерами, которые знают, ради чего они работают. А если какое-то несогласие и возникает, то это направлено на созидание, на позитив. Единственное, что я не могу простить режиссеру - это неадекватность в отношении к профессии. Одно дело, когда человек мучается, трудится, а у него не получается. И все равно мы, актеры, будем делать то, что хочет режиссер. Мы будем пробовать, репетировать ради создания того прекрасного мига, который называется искусством. Но если режиссер решаете ставить спектакль, будучи совершенно неподготовленным, это приводит меня в бешенство. Однажды именно такому режиссеру я сказала: «Кто дал вам право тратить актерские судьбы? Мы открыты для вас. Но раз вы берете на себя ответственность распорядиться нашими жизнями, хотя бы подготовьтесь к этому. Мы же зависимы от вас не только количеством времени, потраченного на репети-

ФОТО ЭДУАРДА ЛАПОВКА

МЫ ИГРАЕМ СУДЬБЫ. НО ИГРАТЬ СУДЬБАМИ НЕ ВПРАВЕ НИКТО!

Нынешняя гостья у постоянной ведущей нашей рубрики «Мастер у Маргариты», директора Дома актера Маргариты ЭСКИНОЙ, не относится к числу постоянно мелькающих на экране актрис. Она звезда настоящая, необычная и трогательная. Это заслуженная артистка России, актриса театра-студии Олега Табакова Евдокия ГЕРМАНОВА.

цию, но и психологически, эмоционально. Мы - куклы в ваших руках. Как же вы можете столь бесцеремонно обращаться с нашими судьбами?» Этот режиссер потом благополучно занялся бизнесом. Я недавно его встретила. Он вполне доволен своей жизнью.

М.Э.: А часто встречаются режиссеры, которые неподготовлены к работе?

Е.Г.: Мне кажется, часто. Но, к счастью, есть другие режиссеры. Есть Табаков. Бывает, что я о чем-то про себя даже не догадываюсь, а он уже это знает. Он, например, прекрасно понимает, что, прежде чем приступить к новой работе, мне нужно время для накопления эмоций, сил; собрать все это, чтобы потом отдать. Еще я вижу, как он вкалывает в этой жизни. Как высоко ставит такое качество, как достоинство. Он является для меня мощным примером, как надо жить и работать. И вообще все, что делал этот человек в моей судьбе, - это очень точно. Даже его появление.

Я тогда уже полтора сезона работала у Любимова. Юрий Петрович увидел меня в художественной самодеятельности и дал маленькую роль в театре. Я застала Высоцкого. Видела его потрясающие репетиции. Потом он умер. Потом произошел раскол театра. Все было невероятно драматично, сложно... И все я впитывала, как губка. Но это требовало и какого-то выхода. К тому времени я уже много раз безуспешно пыталась поступить в институт. Знания, которые можно было использовать для приобретения другой профессии, я просто растеряла. Фактически отходных путей уже не существовало: надо было или идти до конца или... И вот в этот момент появился Табаков.

М.Э.: И все сразу стало просто?

Е.Г.: Пожалуй, главное ощущение, с которым мы учились в его школе-студии, - это избранность. Потому что раз сам Табаков нас выбрал, значит, мы избранные. Это ощущение довольно быстро во мне поселилось, и все неспешности и сложности моей жизни тоже быстро забылись. Осталось только чудное пространство театра, которое Табаков нам подарил. Кто знает, но, возможно, если бы в моей жизни не было предыдущего мучительного этапа, нечем бы оказалось и заполнять эту территорию.

М.Э.: Сейчас Табаков уже не может отдавать «Табакерке» столько времени, как

раньше. Он слишком занят. Но вам, его ученикам, ведь от этого не легче...

Е.Г.: Если появляется возможность какой-то интересной работы вне нашего театра, я стараюсь ее использовать. Работаю с разными режиссерами и в нашем театре, например, с Шапиро. С ним замечательно. На репетициях мы не просто проговариваем текст - нам надо в чем-то себе признаться. Иногда для актера это становилось таким откровением, что он отказывался от роли. Это и есть муки творчества. Но на них надо идти. А как же иначе?

М.Э.: Ты все-таки очень эмоциональный человек, как и многие актеры. Но далеко не все. Например, Анненков мне объяснял, что он как бы носит в себе компьютер: нажмешь на одну кнопку - и он на сцене кого-то любит, на другую - ненавидит.

Е.Г.: Знать себя и управлять собой - это часть профессии. На каждом спектакле я другая. В спектакле Полунина я занята три минуты. Но прихожу в театр и, как компьютер, анализирую - какая сегодня публика, энергетика, в какой интонации мне лучше работать... То есть я готовлюсь к выходу на сцену. Это колоссальная работа. После трех минут пребывания на сцене у меня такое состояние, словно я разгрузила вагон. Но мне от этого здорово и замечательно, потому что это мой труд.

М.Э.: А как получилось, что ты стала работать с Полуниным?

Е.Г.: Произошла простая вещь: захотелось двинуться дальше в своей профессии.

М.Э.: Актёров хороших много, но для клоунов нужен особый дар, особая психология. Ведь это искусство, что называется, не от мира сего. Трудно представить клоуном замечательную актрису Аллу Тарасову, а замечательную актрису Ольгу Волкову прекрасно работала с Полуниным...

Е.Г.: Знаете, однажды я сказала Славе, что в жизни существую совершенно неприкрытой. А он сказал: «И хорошо. В этом твоя сила. Клоун - это не значит кричать. Надо обнажаться». Главное отличие клоуновской территории от театральной - не надо ни от кого защищаться. С Полуниным работала все такие же чудные, как и я. Значит, я могу быть сама собой. И чем больше, тем оно лучше. И тогда я поняла, что клоуновство - это мое, с потрохами.

М.Э.: У тебя есть сын Коля, любимая профессия. А что еще есть у тебя в жизни?

Е.Г.: Пока больше ничего, и мне кажется, что это правильно.

Марк Анатольевич Захаров однажды сказал: «Когда актриса становится матерью, она что-то теряет». На самом деле ребенок, неважно, каким образом он появился, прежде всего лечит от дури. Связана она с личными переживаниями или профессиональными, но все равно это дурь: когда начинаются страдания, актрису куда-то уносит... И ведь это очень сладкая область. Ты сам как бы разрешаешь себе утешиться в крайностях, ведь ты такая вся из себя переживающая. И это страшно! На моей памяти уже немало загубленных судеб, спившихся актеров и актрис. И, слава богу, я в эту область не пошла. Возможно, чувство самосохранения заставило меня сделать этот шаг - принять Колю. Проблемы, которые он привнес в мою жизнь, очень реальные, и их надо решать. Переживания все равно остаются. А есть заботы. И не нужно путать одно с другим.

М.Э.: Но, наверно, бывает тяжело взвешивать на себе семью и оставаться актрисой, да еще столь чувствительной.

Е.Г.: Рецепта преодоления у меня нет. Все бывает: и устала, и на душе тяжело... Хорошо, если в этот день есть спектакль. Но даже если его нет, Коля своей сумасшедшей энергией переключит меня на какие-то позитивные вещи. Если бы не он, не его покладистый характер, в котором растворяются все мои комплексы, я бы вообще многого не смогла понять и осуществить. Я считаю, что Бог специально для меня его приготовил. Это мое спасение. Теперь я знаю, что придет и самая трудная минута, но если она вдруг наступила, надо себя в какое-то дело включить волею. Есть в конце концов сын, жизнь, карьера, которую надо устраивать...

М.Э.: А что ты ценишь в людях?

Е.Г.: Бесребренничества. Многие люди стесняются этого качества, но мне кажется, самое в жизни прекрасное - это отдавать. Я это особенно ясно поняла с появлением Коли. И не надо ждать благодарности. Надо успокоиться и ничего у людей не просить, хотя это трудно. Всегда для себя что-то хочется.

М.Э.: Ну, скажи, что тебе для себя хочется?

Е.Г.: Хотела сказать - больше ролей, а потом подумала: «А зачем, если у меня и так есть совершенно замечательные роли». Всегда не хватает денег, что особенно тревожно из-за Коли. Да и вообще все мои нынешние страхи - вокруг сына.

М.Э.: И нет страха остаться без роли? Ведь, что скрывать, ты актриса милостью Божьей.

Е.Г.: Мне уже не нужно ничего доказывать режиссерам. Моя задача - оставаться максимально честной в профессии. Не все, надо сказать, это понимают. В нашем театре много молодых талантливых актеров. Они могут играть в компьютерные игры до последнего звонка. Потом схватился и побежал на сцену. Ничего хорошего из такого актера не получится. Наша профессия просто не потерпит такого обращения. Чтобы вести на сцене откровенный разговор со зрителем о порядочности, надо каждый день пропахивать какую-то часть себя. Это моя работа. И мне ее доверяют. Когда я не смогу это делать или пойму, что роли больше не являются для меня чем-то важным, удовлетворю свои актерские амбиции - тогда займусь чем-то другим.

М.Э.: Чем?

Е.Г.: Мне за актеров очень больно. Мы настолько импульсивны, наши актерские ткани настолько тонки, что быстро изнашиваемся. И мне бы хотелось хоть в чем-то облегчить актерскую участь, возможно, помочь тем же актрисам в заботе о детях. Потому что когда у актера налажен быт, его организм в порядке, он горы свернет.

М.Э.: А тебе какая помощь нужна?

Е.Г.: Я искренне верю, что нужная помощь мне всегда оказывается. Но не человеком. Существует какая-то ниточка, которая меня держит и ведет в правильном направлении. Рано или поздно эта пуповина, наверно, оборвется. Или я сама ее обрежу и тогда стану сильней. Потому что на самом деле вся помощь внутри меня самой.

М.Э.: Женщине важно знать, что есть человек, на которого она может переложить хотя бы часть своих тревог и забот. Уж больно тяжело постоянно нести груз ответственности за себя и близких.

Е.Г.: Вынести ты можешь ровно столько, сколько тебе дается сил. И вот от этой меры у меня иногда дух захватывает, и я сама себе удивляюсь: «Неужели я это могу?! Неужели меня на это хватит?!» Но я знаю, что хватит. Видимо, такая выносливость связана и с актерской природой. Мы ведь довольно рано, благодаря персонажам, понимаем, что жизнь можно менажам, профессия позволяет нам изучать человеческое устройство, которое и гениальное, и хитрое, а в какие-то моменты - ничтожное.

М.Э.: Ты настолько похожа на Джульетту Мазину, что иногда становится даже страшновато...

Е.Г.: Я всегда открещиваюсь от этого сходства, хотя мне с юности говорили об этом. Но сама я фильм с ее участием впервые увидела в 26 лет. Это были «Ночи Кабирии». У меня случилась настоящая истерика, настолько я испугалась этой похожести. Не хотелось жить. В голове была одна мысль: «Зачем со мной так пошутили?» Но сейчас рада тому, что, несмотря на сходство с ней, я самостоятельная и отдельная личность.

М.Э.: Но дело не только во внешнем сходстве. Если такое удивительное зерно, как одаренность и похожесть, сразу попадает в двух-трех человек, наверно, это не случайно.

Е.Г.: Мазина обладала способностью удивляться миру, людям, то есть оставаться ребенком. У меня тоже это есть. И я Бога люблю об одном - чтобы у меня не отняли такую способность. Я много набедрала в жизни, за что несу ответственность, но если это отберут, то жизнь будет бессмысленна.

М.Э.: Тебе это не грозит. Есть запас прочности.

Е.Г.: Я просто стараюсь не относиться к себе серьезно. Многие люди - и в театре тоже - наоборот, изо всех сил набирают значительности. Тем самым они непроизвольно загоняют себя в некий образ. Мы все способны быть детьми, но надо помочь людям открыть в себе наивность. Это одно из уникальных человеческих свойств, которое невероятно сложно сохранить из-за его нежности. Но чаще всего люди об этом даже не думают.

М.Э.: Возможно, считают это несущественным?

Е.Г.: На это отводится совсем небольшой отрезок жизни. Но если ты за это время не потрудишься и не примешь себя таким, каков ты есть, со всеми своими слабостями, странностями - то твоя жизнь пойдет враскоряку. Лично я этот кусочек себя не хочу потерять. Поскольку волею судьбы мне нужно людям говорить про них самих.

Подготовила
Наталья КУЗИНА